

I Введение

Схема Z
Объект потерянный и обретенный
Перлы
Объект, тревога, дыра
Фетиш и фобический объект

В этом году мы обсудим тему, которая в результате развития психоанализа или того, что мы так называем, сможет занять, в более или менее отчетливой форме, центральное положение как в теории, так и в практике.

Это тема объектных отношений (*la relation d'objet*).

Почему я не выбрал её, когда мы начинали эти семинары, хотя она уже тогда была актуальной, важной, решающей? Именно по той причине, которая повлияла на вторую часть моего названия – *и фрейдовские структуры*.

К теме объектных отношений, действительно, можно подойти только после некоторого возврата к этому вопросу. Прежде нам нужно было прояснить для себя, что образует те структуры, в которых Фрейд показал движение и действие анализа. Особенно важным было рассмотреть сложную структуру отношений между двумя субъектами, присутствующими в анализе, а именно, структуру отношений между анализируемым и аналитиком. Этому были посвящены три года наших комментариев и толкований текстов Фрейда, содержание которых я вам кратко напомню.

В первый год мы занимались элементами самой техники лечения, то есть понятиями переноса и сопротивления. Второй год касался основы фрейдовского опыта и открытия, а именно, понятия бессознательного. Надеюсь, я достаточно хорошо показал вам, что как раз понятие бессознательного и привело Фрейда к необходимости ввести буквально парадоксальные в диалектическом плане принципы, которые были представлены в *По ту сторону принципа удовольствия*. Наконец, на третий год я предоставил показательный пример того, насколько необходимо выделить сущностный элемент символического, называемый означающим, чтобы хоть что-то понять, говоря аналитически, в параноидальном, по сути дела, поле психозов.

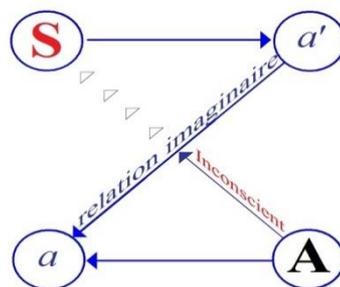
За этот период толкования мы оснастились рядом терминов и схем. Пространственное исполнение (*spatialité*) последних не полагается на интуитивное понимание термина *схема*, но предполагает другой, совершенно обоснованный, топологический смысл – дело касается не локализации позиций, а их взаимосвязи, того, например, вклинивается ли тот или иной элемент между двумя другими или выстраивается с ними в последовательность. Нашей кульминационной разработкой стала одна схема, которую мы можем назвать, действительно, Схемой с большой буквы. Вот она:

текст по-русски

перевод Мощенко С.С.
редакция Черноглазов А.К.
коррекция Кольцова И.В.

ЗНАК ПЕРЕМЕНИ
<https://znakperemen.ru>
чело/век психоанализа
<https://t.me/znakperemen>
ТГ-канал

Прежде всего эта схема описывает связь между субъектом и Другим. В том виде, в котором она устанавливается в начале анализа, это связь виртуальной речи (*parole virtuel*), посредством которой субъект получает от Другого своё собственное послание в форме бессознательной речи. Послание это находится для него под запретом; непризнанное им, оно искажено, прервано, сковано вмешательством воображаемых отношений между *a* и *a'*, между собственным Я (*moi*) и другим (*autre*), его типичным объектом. Воображаемые отношения, которые, по сути своей, являются отношениями отчуждения, прерывают, замедляют, тормозят, зачастую переворачивают и глубоко искажают речевую связь между субъектом и Другим, большим Другим, который, **будучи другим субъектом, является субъектом принципиально способным на обман.**

Не случайно мы ввели эту схему именно в тот момент, когда всё большее число аналитиков формулирует аналитический опыт, отдавая предпочтение теории объектных отношений, оставляя ее, однако, без дополнительных комментариев, когда на объектные отношения переориентирована диалектика принципа удовольствия и принципа реальности, когда прогресс анализа связывается с отлаживанием взаимосвязи субъекта и объекта, которую рассматривают как дуальную, и которая, если послушать их, чрезвычайно проста. Именно эти отношения субъекта с объектом, которые всё более претендуют на центральное положение в аналитической теории, мы и собираемся рассмотреть критически.

Принимая во внимание, что объектные отношения как дуальные, получили место на нашей схеме в виде линии $a \rightarrow a'$, можем ли мы, исходя только из этого, смоделировать надлежащим образом весь комплекс феноменов, предлагаемых нашему вниманию в аналитическом опыте? Позволяет ли один только этот инструмент объяснить все факты? Можно ли пренебречь или даже отбросить ту более сложную схему, которую мы такому подходу противопоставляем?

Для подтверждения того, что объектные отношения стали – по крайней мере, так это выглядит – главным теоретическим элементом аналитического объяснения, я приведу пример одной недавно опубликованной коллективной работы, по отношению к которой термин *коллективный* оказывается особо уместен. Я не имею в виду, что вам стоит в неё вникать. Эта работа целиком посвящена разбору объектных отношений – она не всегда особенно удовлетворительна в смысле изложения, но ее монотонность и однообразие поражают. В статье, озаглавленной *Эволюция психоанализа*, именно объектные отношения оказываются на первом плане, а в качестве последнего слова этой эволюции, вы найдёте в статье *Психоаналитическая клиника* презентацию, целиком ориентированную на объектные отношения клиники. Возможно, я поделюсь с вами попозже мыслью о том, куда может завести такая презентация.

Картина совершенно поразительная. Мы видим практикующих аналитиков, которые пытаются упорядочить размышления и понимание собственного опыта вокруг объектных отношений; не похоже, чтобы она их полностью и окончательно удовлетворяла, но, с другой

текст по-русски

перевод Мощенко С.С.
редакция Черноглазов А.К.
коррекция Кольцова И.В.

ЗНАК ПЕРЕМЕНИ
<https://znakperemen.ru>
чело/век психоанализа
<https://t.me/znakperemen>
ТГ-канал

стороны, именно объектные отношения ориентируют их практику и пронизывают её очень глубоко. Нельзя полагать, что осмысление ими своего опыта в данном регистре не оказывает влияния на сами способы их вмешательства, на направление, придаваемое анализу, и, заодно, на его результаты. Этого невозможно не заметить, просто почитав их. Аналитическая теория и практика, как мы всегда это твердим, друг от друга неотделимы, и как только мы наделили опыт определённым смыслом, мы неизбежно будем руководствоваться в практике ровно этим смыслом. Безусловно, практические результаты могут быть только промежуточными.

Чтобы подойти к теме объектных отношений, а вернее к вопросу о том, по какому праву и насколько обоснованно им было отведено центральное место в аналитической теории, я напому вам, хотя бы вкратце, чем это понятие обязано или не обязано самому Фрейду. Я сделаю это прежде всего потому, что отталкиваться от фрейдовского комментария стало для нас своего рода руководством и почти техническим предписанием, которое мы для себя здесь установили.

К тому же в этом году я уловил возникший у вас вопрос, если не беспокойство, по поводу того, не собираюсь ли я отойти от фрейдовских текстов. Нет сомнений, что очень трудно начинать разговор об объектных отношениях непосредственно с текстов Фрейда, потому что их там нет. Я говорю, конечно же, о теме, которая весьма отчётливо проявляет себя как отступление (*déviation*) от аналитической теории. Поэтому мне приходится начинать с недавних текстов и сразу же с критики их позиций. Зато в конечном итоге мы должны будем вернуться на фрейдовские позиции, сомнений в этом быть не может, и тем не менее, с самого начала, мы не можем не привести, хотя бы очень кратко то, что в строго фрейдовских фундаментальных положениях вращается вокруг самого понятия объекта.

Мы не можем сделать это сразу в развёрнутом виде. Но в конце мы вернёмся именно к этому, чтобы чётко это сформулировать.

Поэтому я хочу лишь кратко напомнить вам то, о чём говорить было бы невысказано, если бы мы не посвятили три года совместной работы анализу текстов, если бы вы уже не встречали вместе со мной тему объекта в различных её формах.

1

Конечно, у Фрейда говорится об объекте. Заключительный раздел *Трёх очерков по теории сексуальности* называется *Обнаружение (trouvaille) объекта, Die Objektfindung*. Объект подразумевается всякий раз, когда вступает в игру понятие реальности. Мы говорим о нём ещё в одном случае каждый раз, когда имеем в виду амбивалентность определённых основополагающих отношений, а конкретно тот факт, что субъект становится объектом для другого, и существует определённый тип отношений, в которых взаимосвязь (*réciprocité*) посредством объекта является очевидной и даже образующей.

Я хотел бы более основательно остановиться на трёх модальностях, в которых предстают перед нами понятия, непосредственно относящиеся к объекту. Если вы загляните в упомянутый раздел *Трёх очерков по теории сексуальности*, вы увидите кое-что уже сформулированное раньше, во время написания *Entwurf*, текста, который, как я вам говорил, был опубликован только в результате своего рода исторического недоразумения, поскольку Фрейд не только не хотел его публикации, но можно сказать, что она случилась против его воли. Тем не менее, когда мы обращаемся к этому первому наброску его психологии, мы обнаруживаем ту же самую формулу объекта. Фрейд настаивает на том, что в своих поисках

текст по-русски

перевод Мощенко С.С.
редакция Черноглазов А.К.
коррекция Кольцова И.В.

ЗНАК ПЕРЕМЕНИ
<https://znakperemen.ru>
чело/век психоанализа
<https://t.me/znakperemen>
ТГ-канал

объекта человек всегда стремится обрести объект некогда потерянный, объект, который необходимо заново найти.

Речь никак не об объекте современной теории, которая рассматривает его как объект, полностью удовлетворяющий, объект типичный, объект *par excellence*, объект гармоничный, объект, который укореняет человека в той достоверной реальности, где утверждается его зрелость, - пресловутый генитальный объект.

Совершенно поразительно, что в тот момент, когда Фрейд создаёт теорию инстинктивного развития, в том виде, в котором она возникает из первого аналитического опыта, он указывает нам на то, что объект обнаруживается на пути поиска утраченного объекта. Этот объект соответствует определённой продвинутой стадии созревания инстинктов, это вновь найденный объект, объект первого отлучения, именно тот объект, который в самом начале был связан с первыми удовлетворениями ребенка.

Ясно, что условие несоответствия устанавливается одним лишь фактом этого повторения. **Ностальгия, которая связывает субъект с утраченным объектом, пронизывает все усилия поисков.** Она помечает новую находку знаком невозможности повторения, поскольку это точно не тот же самый объект, он не может быть тем самым. Первичность этой диалектики задаёт в центре отношений субъект-объект фундаментальную напряженность, в силу которой, искомое не является искомым в том же самом качестве, как то, что будет найдено. Именно через поиск прошлого и прошедшего удовлетворения разыскивается новый объект, при этом обнаруживается и обретается он совсем не там, где разыскивается. **Фундаментальная дистанция, вводимая элементом, конфликтным по самой своей сути, в любой поиск объекта, задана изначально.** Это первая форма, в которой появляется у Фрейда понятие объектных отношений.

Чтобы придать полную ясность тому, на чём я сейчас акцентирую внимание, нам стоило бы обратиться к проработанным философским терминам. Я намеренно пока не делаю этого, чтобы приберечь их для нашего последующего возвращения к теме. Но те из вас, для кого эти термины уже обрели смысл в рамках какого-либо философского знания, уже могут оценить всю дистанцию, которая отделяет фрейдовские отношения субъекта с объектом от предшествующих концепций, опирающихся на понятие объекта подходящего, объекта ожидаемого, объекта, сообразного созреванию субъекта. В платоновской перспективе познание объекта основано на распознании (*reconnaissance*) и припоминании (*réminiscence*) заранее сформированного образца. С учётом той дистанции, которая разделяет опыт современный и опыт античный, Кьеркегор отмежевал эту перспективу от понятия повторения, повторения всегда искомого, но никогда не удовлетворительного. По своей природе повторение противоположно припоминанию. Его как таковое никогда невозможно насытить. Именно в этом измерении располагается фрейдовское понятие повторного обнаружения утраченного объекта.

Мы ещё обратимся к тексту, в котором хорошо заметно, что Фрейд изначально помещает понятие объекта в рамки глубоко нарушенной связи субъекта с его миром. И как иначе это могло бы быть, если уже в то время речь шла об оппозиции между принципом реальности и принципом удовольствия?

Принцип удовольствия и принцип реальности друг от друга неотделимы. Я бы сказал больше: один включает и предполагает другой в диалектической взаимосвязи.

Принцип реальности появляется лишь постольку, поскольку нечто настаивает на своём удовлетворении в принципе удовольствия, в этом смысле он лишь расширение последнего, и, наоборот, в своей динамике и основной направленности он подразумевает фундаментальное затруднение для принципа удовольствия. Тем не менее, между ними

текст по-русски

перевод Мощенко С.С.
редакция Черноглазов А.К.
коррекция Кольцова И.В.

ЗНАК ПЕРЕМЕНИ

<https://znakperemen.ru>

чело/век психоанализа
<https://t.me/znakperemen>
ТГ-канал

двумя, в этом и состоит суть предложения фрейдовской теории, есть зияние (*béance*) – не было бы возможности их различения, если бы один был просто продолжением другого. На самом деле, принцип удовольствия тяготеет к реализации в образованиях глубоко ирреальных, тогда как в принципе реальности существует иная и автономная организация или структуризация, которая имеет в виду, что то, чем она овладевает, может быть принципиально отличным от желаемого. Сама по себе эта взаимосвязь вводит в диалектику субъекта и объекта другой термин, который не может быть здесь устранен.

Так же, как субъект, в чём мы только что убедились, в своих первичных (*primordiales*) требованиях всегда обречён на возврат, причём возврат невозможный, таким же образом и реальность, как это показывает сочленение друг с другом принципа удовольствия и принципа реальности, находится в радикальной оппозиции с тем, что разыскивается в силу психической тенденции. Другими словами, удовлетворение принципа удовольствия, которое неявно, подспудно присутствует в любом учении о сотворении мира, всегда более-менее стремится к тому, чтобы реализовать себя в более-менее галлюцинаторной форме. Подспудная организация в Я (*moi*), скрытая механика психического процесса субъекта как такового, всегда располагает фундаментальной возможностью произвести удовлетворение ирреальным, галлюцинаторным образом. Вот тот другой пункт, который Фрейд мощно акцентирует уже в *Traumdeutung*, то есть начиная с первой полной и точно выраженной формулировки оппозиции принципа реальности и принципа удовольствия.

Как таковые эти два положения фрейдовской теории не сочетаются одно с другим. Факт того, что они представлены у Фрейда по отдельности, указывает на то, что не в отношениях субъекта с объектом рассматривается вопрос развития. Если каждое из этих двух положений находит свое место в разных пунктах фрейдовской диалектики, то происходит это по той простой причине, что ни в каком случае отношения субъект-объект не занимают в ней центрального места.

Если и кажется, что эти отношения поддерживаются прямо и без зазора, то лишь потому, что речь идёт об отношениях, называемых с некоторых пор догенитальными, отношениях видящий-видимый, атакующий-атакуемый, пассивный-активный. Субъект всегда проживает эти отношения способом, который более или менее очевидно предполагает его идентификацию с партнером. Эти отношения проживаются в обоюдности (*réciprocité*) – это, в данном случае, подходящий термин – в обратимости позиций субъекта и его партнера.

На этом уровне, по сути дела, и вводятся такие отношения между субъектом и объектом, которые являются не только прямыми и безззорными, но в которых один к другому буквально приравнивается. И именно такие отношения послужили поводом к тому, чтобы вывести на передний план объектные отношения как таковые. Эти отношения взаимности (*réciprocité*) между субъектом и объектом, которые можно обозначить как зеркальные отношения, уже сами по себе поднимают большое количество вопросов, **в попытке разрешения которых я и ввёл в аналитическую теорию понятие стадии зеркала.**

Что такое стадия зеркала? Это определённый момент, в который ребёнок узнаёт свой собственный образ. Но стадия зеркала далека от простого описания отдельного феномена в развитии ребёнка. Она проясняет конфликтный характер дуальных отношений. Всё, что ребёнок постигает в зачарованности своим собственным образом, представляет собой именно разрыв (*distance*), обусловленный внутренними напряжениями, возникающими во взаимосвязи и идентификации с этим образом. Однако, для меня именно это послужило поводом для обращения к теме и стало центральным пунктом, занимающим первый план отношений субъект-объект, получивших феноменальную популярность, о которой можно

текст по-русски

перевод Мощенко С.С.
редакция Черноглазов А.К.
коррекция Кольцова И.В.

ЗНАК ПЕРЕМЕНИ

<https://znakperemen.ru>

чело/век психоанализа
<https://t.me/znakperemen>
ТГ-канал

судить по тому, что до сего дня было представлено в терминах не только разрозненных, но и весьма противоречивых, устанавливающих глубоко диалектическую связь между различными понятиями.

Одним из первых, сделавших этот новый акцент, но не так рано, как мы полагаем, был Карл Абрахам.

До некоторых пор развитие субъекта неизменно рассматривалось через призму реконструкции, ретроактивно, исходя из центрального опыта конфликтной напряженности между сознательным и бессознательным. Конфликтная напряженность, возникает вследствие того фундаментального факта, что всё искомое в силу психической тенденции является неопознанным, а если сознание нечто и распознаёт, то изначально ошибочным образом. Субъект распознаёт себя не на пути сознания, есть нечто другое и *потустороннее (au-delà)*. Это потустороннее, будучи фундаментально нераспознанным, оставаясь за пределами сознания субъекта, тотчас поднимает вопрос относительно своей структуры, своего происхождения и своего смысла.

Однако, эта перспектива была заброшена по инициативе ряда представителей солидных психоаналитических течений. Всё было переориентировано на функцию объекта, а точнее, на его окончательную кондицию. Если мы в осмыслении конечного пункта идём от обратного, поскольку он, вообще-то, никогда не появляется как видимый в силу того, что идеальный объект буквально является немислимым, то в новой перспективе этот идеальный объект, напротив, полагается целевым ориентиром, окончательным достижением, что обосновано целой чередой опытов, элементов и частичных определений понятия объект. Эта перспектива постепенно закрепились с момента, когда Абрахам сформулировал её в 1924 году в своей теории развития либидо. Его концепция для многих стала основой самого аналитического порядка и всего того, что в нём происходит, она задала систему координат, внутри которой располагается весь аналитический опыт, где определён конечный пункт, этот пресловутый идеальный, окончательный, совершенный, правильный (*adéquate*) объект, представленный как знаменующий собой достигнутую цель, то есть нормализацию субъекта.

При этом, одно только понятие нормализации вводит целый сонм категорий, весьма отдалённых от исходных предпосылок анализа.

2

По собственному признанию тех, кто следует этому пути, продвижение анализа в первую очередь должно учитывать отношения субъекта с его окружением .

Акцент внимания на внешнюю среду производит редукцию всего аналитического опыта. Это возврат на чисто объективирующую позицию, которая выводит на первый план существование некоего индивида, более-менее соответствующего окружающей его среде, более-менее к ней приспособленного. Полагаю, что для иллюстрации этого я не смогу сделать что-то лучшее, чем сослаться на формулировки, которые вы найдёте на страницах 761 - 773 коллективной работы, о которой мы говорили.

После того, как для нас было подчёркнуто, что именно об отношениях субъекта и его окружения идёт речь в ходе анализа, мы между прочим узнаем, что это особенно важно в случае маленького Ганса, где родители, говорят нам, выглядят безлико. Нам не обязательно разделять эту точку зрения. Важно то, что последует в тексте далее – *«это происходило до войны 1914 года, когда западное общество, уверенное в себе, не задавалось вопросами бренности существования; и напротив, с 1926 года акцент смещается именно на тревогу и взаимодействие организма с окружающей средой; после того как было*

текст по-русски

перевод Мощенко С.С.
редакция Черноглазов А.К.
коррекция Кольцова И.В.

ЗНАК ПЕРЕМЕНИ
<https://znakperemen.ru>
чело/век психоанализа
<https://t.me/znakperemen>
ТГ-канал

подорвано основание общественного уклада, меняющийся мир ежедневно вызывал тревогу, индивиды распознали свои различия. В то время, когда физика исследует релятивизм, неопределенность, вероятность, похоже, что объективное мышление избавляется от своей уверенности в себе самом.»

Мне кажется, что эта ссылка на современную физику как основу нового рационализма нуждается в комментарии. Важно, что психоанализу в причудливой, непрямой манере отводится роль того, что может стать неким средством исцеления общества. Вот что выводится на первый план, вот что представлено в качестве характерной черты движущего элемента его прогресса. Неважно, насколько это обосновано, поскольку, откровенно говоря, это такие вещи, которые по своей значимости представляются нам наименее весомыми – что здесь поучительно, так это та запредельная непринуждённость, с которой эти вещи приняты.

Этот пример не единственный, поскольку главное свойство этой работы заключается в том, что она коллективная и внутренне согласованная, и производит впечатление скорее однородной, нежели, в прямом смысле этого слова, связанной.

В первой статье, которую я только что упоминал, в конце концов, отчётливо сформулирована главная концепция, необходимая для современного понимания структуры личности, она дана под определённым углом зрения, как сказано, *наиболее практичным и наиболее прозаичным*, который принимает во внимание *социальные отношения больного* – это последнее выражение подчёркнуто автором.

Я перехожу к другим моментам, изложенным в исповедальной форме – *известно, что впечатление от подвижности, неуловимости, неестественности такой концепции анализа может создавать дискомфорт, но это не касается самого предмета дисциплины, ведь никто и не подумает оспорить, что она является деятельностью, меняющейся во времени.* На самом деле, такое слегка туманное объяснение характерно для различных подходов, появившихся в этой линии. Что не означает, что оно должно полностью нас удовлетворить, поскольку я не знаю такой дисциплины, предмет которой не был бы подвержен изменениям во времени.

В теме *отношений субъекта с миром* мы видим акцент на постоянно проводимой параллели между состоянием более или менее продвинутого созревания инстинктивной деятельности и структуры собственного Я (Moi) данного субъекта. В целом, с определённого момента структура собственного Я рассматривается как подкладка и, в конечном счёте, как показатель степени зрелости инстинктивной деятельности на её различных этапах.

Некоторым из вас сами по себе эти термины могут показаться не такими уж сомнительными. Неважно, вопрос не в этом, мы ещё посмотрим, можно ли в каком-то смысле иметь их в виду. Но их следствием стало размещение в центре анализа того, что представляет собой типологию, в рамках которой есть догенитальные и генитальные индивиды.

Написано об этом так – *догенитальными являются индивиды, обладающие слабым Я (Moi), цельность их Я находится в тесной зависимости от объектных отношений со значимым объектом.* Здесь мы можем начинать задавать вопросы. Возможно, позже, читая этот же самый текст, мы увидим, куда может завести понятие значимого объекта, так и не получившее своего объяснения. С точки зрения техники это подразумевает, что догенитальные отношения учитываются, приобретают значение в аналитических отношениях. *Утрата этих отношений или их объекта, что синонимично, поскольку объект здесь существует только в функции его отношений с субъектом, приводит к*

текст по-русски

перевод Мощенко С.С.
редакция Черноглазов А.К.
коррекция Кольцова И.В.

ЗНАК ПЕРЕМЕНИ

<https://znakperemen.ru>

чело/век психоанализа
<https://t.me/znakperemen>
ТГ-канал

серьезным нарушениям деятельности Я, таким как явления деперсонализации, психотические расстройства. Мы находим здесь пункт, в котором произошла проверка, подтвердившая глубинную хрупкость отношений догенитального Я (moi) и его объекта. Субъект старается поддерживать свои объектные отношения любой ценой, идёт на любого рода ухищрения для достижения этой цели, меняет объект, осуществляя смещение или символизацию, в ходе которой на произвольно выбранный символический объект переносится аффективный заряд первоначального объекта, что позволяет сохранить объектные отношения. Для такого объекта совершенно справедлив термин «вспомогательного Я».

Генитальные индивиды, напротив, обладают собственным Я, которое не полагает свою силу и осуществление своих функций зависящими от владения значимым объектом. В то время как для первых потеря значимого человека, грубо говоря, оказывает воздействие на их индивидуальность, для вторых эта потеря, насколько бы болезненной она ни была, не нарушает целостности их личности. Они не зависят от объектных отношений. Это не означает, что они могут легко обойтись без любых объектных отношений, что, впрочем, практически неосуществимо, настолько объектные отношения многочисленны и разнообразны, это означает лишь то, что потеря контакта со значимым объектом не отражается на их цельности. Это то, что в отношениях Я с объектом радикально отличает их от предыдущих.

Далее в тексте – [...] по-видимому, в любом неврозе нормальное развитие остановилось ввиду невозможности, в которой оказывается субъект в попытке разрешить важнейший из детских структурообразующих конфликтов, идеальный исход которого приводит к той счастливой адаптации к миру, которую мы называем генитальными объектными отношениями, и которая создаёт у любого наблюдателя ощущение гармоничной личности, а в анализе непосредственно приводит к особому рода кристальной чистоте мышления, которая является, я повторяю, скорее пределом, чем реальностью [...].

Кристальная чистота. Мы видим, как далеко представление о совершенстве объектных (objectale) отношений заносит этого автора.

Тогда как влечения в их догенитальной форме демонстрируют характер потребности в бесконтрольном, безграничном, безусловном обладании, включающем агрессивный аспект, в их генитальной форме они по-настоящему нежные, любящие, и даже если субъект не выглядит таким бескорыстным, то есть лично не заинтересованным, и даже если его объекты являются сугубо нарциссическими, как в предыдущем случае, он всё-таки способен понимать и учитывать ситуацию другого. Кроме того, интимная структура его объектных (objectales) отношений показывает, что участие объекта в его собственном удовольствии непременно необходимо для счастья субъекта. Привычки, желания, потребности объекта учитываются в высшей мере.

Этого достаточно, чтобы поставить весьма серьёзный вопрос, который мы действительно не можем обойти стороной: что означает нормальный исход детства, юности и зрелости?

Есть одно принципиальное различие, которое нужно иметь в виду. На него нам указывает как понятие объективности, так и элементарный опыт. Мы никак не можем путать установление реальности, со всеми проблемами адаптации, которые возникают из-за того, что она оказывает сопротивление, отказывает, является сложной, и понятие, более или менее подразумеваемое этими текстами в различных определениях объективности и полноты объекта. Эта путаница сказывается таким образом, что объективность предстает в

текст по-русски

перевод Мощенко С.С.
редакция Черноглазов А.К.
коррекция Кольцова И.В.

ЗНАК ПЕРЕМЕНИ

<https://znakperemen.ru>

чело/век психоанализа
<https://t.me/znakperemen>
ТГ-канал

этих текстах как характерная для отношений с другим в их развитой форме. Тогда как наоборот, конечно же, существует дистанция между тем, что предполагается более-менее соответствующим взглядам определённой эпохи пониманием мира, и установлением отношений с другим в их аффективном, даже чувственном, регистре с учётом потребностей, благополучия, удовольствия другого. Конституция другого как такового, то есть того, кто говорит, то есть того, кто является субъектом, определённо ведёт нас гораздо дальше. Мы вернемся к этим текстам, которые пестрят подобными перлами. Но процитировать их недостаточно, даже с юмором, на который они и без нас напрашиваются. Даже если мы наделаем юмористических замечаний, коих они и сами предоставляют достаточно. Чтобы продвинуться, нужно сделать ещё кое-что.

3

Эта чрезвычайно предварительная концепция аналитического понятия инстинктивного развития является отнюдь не общепринятой.

Тексты такого автора, как Гловер, например, могли бы привести вас к совершенно другому пониманию и применению объектных отношений, которые названы и определены в них как таковые. Ознакомившись с этими текстами, вы увидите, что функция объекта, этапы которой характеризуют различные эпохи индивидуального развития, продумана совершенно иначе.

Опираясь на объект, анализ настаивает на введении функционального понятия совершенно иной природы, нежели свойство простого соответствия субъекту. Речь не идёт о простой сочетаемости (coaptation) объекта с определённым требованием субъекта. Объект здесь играет совершенно другую роль, он обретает своё место, если можно так выразиться, на почве тревоги. Объект является инструментом маскировки и отражения фундаментальной тревоги, которая на различных этапах развития субъекта характерна для его отношений с миром. Именно так на каждом этапе и должен быть охарактеризован субъект.

Я не могу в конце сегодняшней нашей встречи не придать очертаний тому, о чём говорил, с помощью иллюстрации на каком-либо примере. И мне достаточно указать на классическую, базовую, фрейдовскую концепцию фобии.

Фрейд, как и все, кто изучал фобию с ним и после него, не преминул показать, что нет никакой прямой связи между объектом и так называемым страхом, который нанёс на него свою фундаментальную метку, формируя его как таковой, как объект примитивный (primitif). Напротив, есть существенная разница между страхом, о котором идёт речь, и который в определённых случаях может быть страхом примитивным, а в других случаях таковым не быть, и объектом, который в самой своей сути образуется для того, чтобы этот страх удерживать на расстоянии. Объект заключает субъект в определённый круг, в бастион, внутри которого он укрывается от своих страхов. Объект сущностно связан с сигналом тревоги. Объект – это прежде всего форпост на пути возникшего страха. Страх сообщает объекту его роль в конкретный момент определённого кризиса субъекта, который при этом не является ни типичным кризисом, ни кризисом развития.

Является ли такое современное, если можно так сказать, понимание фобии справедливым и обоснованным? Нам предстоит подвергнуть сомнению и это, показав, что такой подход лежит у истоков понятия *объект* в том виде, в котором предстает он в работах Гловера и в способе ведения анализа, характерном для его мысли и его техники. То, что, как нам говорят, тревога является тревогой кастрации, до недавнего времени редко оспаривалось. Тем не менее примечательно, что желание свести всё к воспроизводству в

текст по-русски

перевод Мощенко С.С.
редакция Черноглазов А.К.
коррекция Кольцова И.В.

ЗНАК ПЕРЕМЕНИ
<https://znakperemen.ru>
чело/век психоанализа
<https://t.me/znakperemen>
ТГ-канал

генетическом смысле дошло до попытки вывести из избытка примитивных, объектно-ориентированных фобических конструкций сам по себе отцовский объект, как если бы он был их следствием и конечным результатом. Именно в этом смысле пишет о фобии Мале в коллективной работе, которую я цитировал. Примечательным образом, он идёт в направлении, противоположном тому, что позволило нам перейти от фобии к пониманию определенной связи с тревогой и обнаружить функцию защиты, которую выполняет объект по отношению к этой тревоге.

Не менее занятно наблюдать за тем, во что, в другом регистре, превращаются понятия фетиша и фетишизма. Об этом я тоже начну сегодня говорить, чтобы показать вам, что если мы рассмотрим дело в перспективе объектных отношений, то выяснится, что фетиш в аналитической теории выполняет функцию защиты от тревоги, и, что удивительно, от той же самой тревоги, то есть тревоги кастрации. Неправильно, наверное, утверждать, будто с тревогой кастрации, вызванной восприятием отсутствия фаллического органа у женского субъекта и отрицанием этого отсутствия, фетиш связан именно таким образом. Не важно. Нельзя не заметить, что и здесь объект дополняет собою то, что предстает как дыра, как провал в реальности.

Вопрос состоит в том, чтобы прояснить, есть ли нечто общее между фобическим объектом и фетишем.

Но чтобы поставить вопросы в этих терминах, не отказываясь при этом от мысли рассмотреть проблемы с точки зрения объектных отношений, стоит, наверное, найти повод и отправную точку исследования в самих феноменах. Согласимся рассматривать адресованные нам вопросы о типичном объекте, идеальном объекте, функциональном объекте и любых других формах объекта, которые можно у человека предположить и подойдем к нашей проблеме с этой стороны – но тогда нас не устроят единообразные объяснения для разнообразных феноменов. Возьмём, к примеру, наш исходный вопрос о том, в чём состоит разница между функцией фобии и функцией фетиша, при том что основанием их обеих служит тревога, против которой обе призваны быть для субъекта защитой или гарантией.

Я принял решение определить в качестве исходного положения именно этот пункт. Мы оттолкнёмся от нашего опыта для приближения к тем же самым проблемам, то есть продвигаясь не в мифической, не в абстрактной манере, но прямо, принимая во внимание те объекты, которые нам предложены в опыте.

Недостаточно обсуждать ни объект в общих чертах, ни объект, который обладал бы каким-то волшебным коммуникативным свойством, наподобие способности регулировать отношения со всеми другими объектами, как если бы достижение генитальности решало все вопросы. Мне кажется, то, что может быть объектом для генитального индивида с точки зрения сугубо биологической, которая здесь выходит на первый план, не должно быть чем-то менее загадочным, чем объекты обыденного человеческого опыта, монетка, например.

Можно ли отрицать, что монетка сама по себе не поднимает вопроса своей объективной ценности? Когда в определённом регистре мы утрачиваем её, обратив в средство обмена, как происходит это с любым другим элементом человеческой жизни из той или иной предполагающей обмен сферы, чья ценность оказалась переведена в товарную стоимость – не возникает ли здесь у нас в тысяче разных форм вопрос, который марксистская теория уже разрешила с помощью термина если не синонимичного, то, по крайней мере, весьма близкого тому, который мы только что упомянули, а именно фетиша? Одним словом, понятие объекта-фетиша, объекта-экрана, а с ними та уникальная функция конституирования реальности, на которую Фрейд с самого начала пролил действительно яркий свет, и которую

текст по-русски

перевод Мощенко С.С.
редакция Черноглазов А.К.
коррекция Кольцова И.В.

ЗНАК ПЕРЕМЕНИ

<https://znakperemen.ru>

чело/век психоанализа
<https://t.me/znakperemen>
ТГ-канал

мы непонятно почему предпочли игнорировать – столь важная для устройства прошлого каждого субъекта как таковая функция *покрывающего воспоминания* (souvenir-écran) – вот те понятия, которые сами по себе и само собой заслуживают быть проработанными.

Они должны быть проанализированы и в своих взаимоотношениях, поскольку исходя из связей между ними можно провести необходимые различия, которые позволят нам чётко сформулировать, почему фобия и фетиш – это две разные вещи.

Как связано общепринятое употребление слова фетиш со специальным применением этого термина для описания сексуальной перверсии? Именно таким образом мы сформулируем тему нашей следующей встречи, которую посвятим фобии и фетишу.

Так, обратившись к опыту, сможем мы пересмотреть термин объектных отношений и вернуть ему его истинное значение.

21 ноября 1956

текст по-русски

перевод Мощенко С.С.
редакция Черноглазов А.К.
коррекция Кольцова И.В.

ЗНАК ПЕРЕМЕНИ

<https://znakperemen.ru>

чело/век психоанализа
<https://t.me/znakperemen>
ТГ-канал

